

Масштаб той катастрофы, которая приключилась с рыцарством под Дерптом, трудно переоценить.

Мало того, что была буквально выпилена целая орава профессиональных военных, ранее занимавшая ключевое, господствующее положение на целом ряде территорий, которые в своей совокупности крупнее Эйсенского герцогства в несколько раз, так ещё и произошёл, причём буквально, коллапс многих существовавших династий.

Да-да, это кажется совершенно неочевидным, но в рамках феодальной системы смена правящих династий нередко приводит если не к переориентации политики, то вносит в неё существенные коррективы.

Обычно, даже если бы что-то подобное случилось, ничего страшного не было бы. Феодальная система, крихтая, всё же скомпенсировала бы подобное, однако не на этот раз. Священная Римская Империя германской нации, возглавляемая эрцгерцогом Австрии Филиппом II, стала главной жертвой сражения под Дерптом.

Многие бедные рыцари, ранее составлявшие значительную проблему для целого ряда городов, а кое-где даже организовавшие целые преступные банды (особенно в северных марках), обычно промышляющие разбоем и грабежом, но ранее примкнувшие к крестовому походу в обмен на прощение грехов и шанс поучаствовать в делёжке, теперь оказались буквально на грани исчезновения.

Кроме того, очень многие феодалы, соперничавшие с городами за влияние, теперь оказались совершенно неспособны продолжить противостояние, хотя бы в силу своей смерти (а их наследникам теперь придётся разгребать то дерьмо, которое случится из-за колоссального оскудения военных сил).

Ранее дружная братия феодалов, с переменным успехом противостоявшая централизации Империи, а также усилению императора и расширению его владений, теперь погрязла в династических дрязгах. Как результат – фактический развал коалиции, противостоявшей императору.

Иными словами, Императору получал полный карт-бланш на своё дальнейшее усиление, равно как и вольные города. Чем, собственно, император, находившийся в союзе с крупными вольными городами (как противовес старой аристократии) тут же и занялся, сконцентрировав все свои силы на Италии, наиболее богатой территории. Впрочем, это дела земель далёких, а нас интересует и то, что под боком:

Итак, как уже упоминалось ранее, герцог Далмации, пускай и лучшим образом из возможных, но всё же погиб. Такое уж вот несчастье, что в битве погибли и оба его сына, пошедшие с ним в поход, в результате чего мужская линия фон Либкнехтов полностью пресеклась.

Таким образом, у герцога Карла из наследников осталась только юная Карла, которая должна была пожениться в этом году на мужчине, который... правильно, также слёг изрешечённый на

поле битвы (впрочем, этого убила пика, а не картечь). Впрочем, не то чтобы ей не было плевать на него, учитывая то, что она с ним не просто никогда не встречалась лично (что, в принципе, нормально для брака по расчёту), но и даже письмом не обменивалась (а вот это уже нездоровая фигня).

Тем не менее, являясь единственной наследницей своего отца, она должна была занять престол (довольно уникальная черта Далмации – полусалическая система наследования, когда женщина, в принципе, допускается к наследованию, но только в случае полного прекращения потомков мужского пола династии – как раз наш случай)

Впрочем, у городов Далмации было по этому поводу другое мнение, как и у, собственно, аристократии (пускай она, наиболее пострадавшая из всех, пока что ещё не успела восстановить свои силы).

Разумеется, их гораздо больше прельщала кандидатура малолетнего Патриче, графа Ломбардии и внучатого племянника Карла фон Либкнехта, почившего герцога Далмации. Его мать-регент, а также её любовник, уже согласились на дарование «Золотой вольности» городам и аристократии, фактически низводившей мощную герцогскую власть (в обмен на регулярные выплаты), столь скрупулёзно собираемую прежним герцогом по крупницам (несмотря на свой неприятный характер, он был хорошим правителем), на территории всей страны практически до нуля.

В то же время, автономия городов и вольности аристократов цементировались, по сути, НАВСЕГДА, благодаря праву *liberum veto*, когда препоной для любых преобразований может стать несогласие всего одного, пускай даже бедного и очевидно подкупаристократа.

Да, даже если он будет доедать последнюю крысу в подвалах своего обветшалого замка, а действовать будет по прямой указке вполне конкретного магната, взявшего его под свой патронаж.

Вы скажете «Безумие!», и я с вами соглашусь, ведь это прямой путь к вырождению государства, но что поделать – не в первый раз, поляки подтвердят. Разумеется, подобное оскорбление усилий своего отца, а также попрание собственной власти, Карла терпеть не желала, и была готова побороться за свой престол.

Впрочем, прекрасно осознавая своё фактическое бессилие и отсутствие какой-либо политической поддержки, она вынуждена была бежать. А вот куда... это уже интересно. Как нетрудно догадаться, наша 16-летняя девочка была далеко не последней дурой.

Понимая, что искать ей помощь стоит в соседних государствах, а также то, что помощи можно ожидать только от своей «новой» семьи (так как родственников у неё не осталось, кроме тех, что желают занять её трон), то есть, от жениха и сил, стоящих за ним.

Принимая это во внимание, она составила список тех, кто мог бы быть заинтересован в ней (а если быть честными, то в её способности рожать детишек штапелями, пока она не сдохнет или

не потеряет таковую возможность) и её наследстве, которое ещё предстояло отвоевать у своевольных магнатов.

К своему удивлению она обнаружила, что наиболее сильным и перспективным «мальчиком», которого она могла бы охмурить своими прекрасными телесами (а они были более чем прекрасны, пускай и по меркам того времени) и наследством, был 18-летний Фридрих, фактический убийца её отца.

Разумеется, она сначала попробовала найти другого кандидата, но оказалось, что единственным человеком, достаточно сильным, чтобы помочь ей с её проблемами, в обмен на доступ к её телесам и наследство, оказался всё тот же Фридрих. Скрипя сердцем, она отправилась к нему, не особо рассчитывая на успех...

... Несколько дней назад, в лагере Фридриха ...

- Ну, я же тебе говорил – мы с тобой вершим историю, друг! – восклицал довольный Фридрих.

- Жаль, что ваша столь прославленная военная революция оказалась далеко не столь хороша своей формой, скажу я вам, – снова жаловался вечно недовольный Сергей, несмотря на многочисленные подарки от своего патрона, в том числе и те, которыми он осыпал его за значительный вклад в победу. В конце концов, грамотный и своевременный кавалерийский манёвр с использованием особенностей ландшафта и иных приспособлений, приведший к разгрому противника, осуществил именно он, а не Фридрих.

- К сожалению, она была неизбежна. Днём ранее или годом позже, может не так резко и жёстко, но она бы, так или иначе, произошла. Я лишь удовлетворяю общественный запрос на неизбежное и исторически объективное коренное преобразование, так как существующая надстройка объективно не соответствует существующему экономическому базису и его потребностям. Так что не стоитшний раз корить себя за убитых, ведь у них и их потомков попросту нет будущего. Не мне, конечно, подобное тебе говорить, но, поверь, будет лучше, если ты предпочтёшь забыть о своих призраках прошлого, пока они не растерзали тебя и твоё психологическое здоровье на чёртовы лоскуты, – жаль, впрочем, что Сергей, которого едва можно было бы назвать хоть сколько-нибудь образованным, разумеется, совершенно не понял большую часть из сказанного Фридрихом. Хорошо, что он хотя бы усвоил конец про то, что прошлое стоит отпустить, пока оно не стало бесконечным личным кошмаром в настоящем.

- Ничего не понял, но очень интересно. Надеюсь, как-нибудь попозже вы мне объясните ваши, как я уже только что убедился, по-настоящему глубокие и пророческие мысли, – действительно, «пророческие».

- Да, конечно. Впрочем, давай сначала выбьем врага, да так, чтобы железно и надолго, – ах да, крепость Дерпт. Как-то уже все и забыли о том, что её стоит вернуть в лоно её законных владельцев. Ну, хотя бы теперь вспомнили.

- Я согласен с вами, но как вы собираетесь брать крепость? Как вы знаете, она практически

неприступна, а надеяться на мирную сдачу не приходится, ведь комендант крепости, понимая всю глубину своего проступка и осознавая его последствия, вряд ли любезно откроет нам ворота.

– Знаешь, я создавал речную флотилию не просто так. С её помощью я прерву её снабжение, заняв положение чуть выше по реке, а затем обложу крепость с обеих сторон. Если ребята внутри не поймут, что к чему, то я начну артобстрел. Если и это их не убедит поскорее избавиться от исключительно вредного предателя, то у меня не останется иного выбора, кроме как пойти штурмом. Впрочем, тебе волноваться не к чему – возвращайся в столицу с захваченными пожитками, чтобы начать подготовку резервов и подкреплений на деньги, которые ты выручишь за счёт её продажи. Заодно и расскажешь ей о великой победе, одержанной под Дерптом над многократно превосходящим в числе противником. Надеюсь, ты меня не подведёшь, – сказал Фридрих, прежде чем вновь обратиться к картам и чертежам, предоставленным инженерами. На них содержался, впрочем, не только план осады, разработанный в соответствии с новейшими инновациями в этой области, связанными с появлением огнестрела, об эффективности которого уже более никто не заикался. Нет, на нём был также и план расширения крепости, предполагающий её превращение в крупное сооружение со рвами, рavelинами, бастиянами и так далее по списку. В общем, модернизация по последнему слову техники, дабы сделать крепость ещё более неприступной. План по превращению её в настоящий оплот королевской власти, так сказать (хотя она была им и до этого, но особым административным значением она похвастаться не могла).

– Вы уверены, что справитесь здесь в одиночку? – надев серьёзное лицо, спросил Сергей, искренне удивлённый приказом Фридриха. Разумеется, удивление было не на пустом месте – авторитет Фридриха в армии был, честно говоря, не очень. В первую очередь потому, что Фридрих занимался адской муштрой и превращением солдат в не более чем винтики своего перфектного механизма, конечно же. Однако играло свою важную роль также и то, что Фридрих был, скажем так, просто-напросто младше почти любого из солдат в армии. Ему, в конце-то концов, совсем недавно исполнилось 18 (его день рождения совпадает с таковым у Вильгельма, кстати), в то время как самому младшему из призывников было около 17-ти лет, который был крупнее Фридриха раза в два-три (по массе, а не росту; впрочем, речь идёт о гренадере, которого потому и взяли несмотря на его возраст, а так-то минимальный возраст новобранцев, как минимум, номинально – 18). К слову, Фридрих, пускай и был весьма высоким (порядка 2-ух метров), в то же время отличался очень сильной худощавостью (63 килограмма на 197 сантиметров роста), приобретённой им ещё до того, как «Фридрих» стал «Фридрихом», за что большое спасибо его матери, чуть ли не заморившей своего бедного пасынка голодом. Печально, конечно, что она так ненавидела его, но и её понять, в некоторой степени, тоже можно – его отец постоянно пропадал, принося с собой в дом лишь всё новые и новые долги, проматывая своё состояние за выпивкой. К сожалению, он так и не оправился после смерти матери Фридриха во время родов, хотя у его новой жены и была надежда на его исправление, связанная с тем, что он временно перестал пить ради неё (впрочем, на смену алкоголизму пришла лудомания). И, как бы жестоко это ни звучало, занимаясь любовью со своей новой молоденькой женой, он думал всегда лишь о матери Фридриха, о чём постоянно и вполне недвусмысленно намекал, обращаясь к ней исключительно по имени своей бывшей жены. Иронично, что женщина, искренне любившая своего мужа (что очень большая редкость для браков между птицами подобного полёта) и желавшая стать настоящей заменой его умершей жене, оказалась не более чем её жалкой копией, выбранной лишь из-за внешнего сходства. Жестоко, да, но узнала она об этом лишь через несколько месяцев после женитьбы, благодаря своим «подружкам»-сплетницам (они подметили её исключительное сходство с бывшей женой отца Фридриха). Впрочем, мы что-то отвлеклись. Негоже шаблонной дурёхе уделять столько

внимания.

– Не то чтобы, но ты единственный, кто в состоянии выполнить мой приказ. Впрочем, особых форс-мажоров не предвидится во время осады, так что, полагаю, как-нибудь справлюсь без твоей помощи. Что же, пожелай мне удачи, ведь тебе я уже пожелал, – тем временем, день приближался к своему закату, ознаменовавшись лишь манёвром речного флота, обогнувшего речной рог с небольшим, довольно узким проходным горлышком. Кстати, именно ради контроля над этим горлышком, на другом берегу которого начиналась низменность, в которой и располагалась столица герцогства, была основана крепость Гейдельберг. Которая, к слову, стала бы последней линией её обороны (не считая ряда мелких крепостей и самих стен Ульфхайма, разумеется) в случае проигрыша Фридриха. Впрочем, нам стоит, пожалуй, перейти к главному блюду следующего дня – виселице. Всегда находил это занятие особо забавной утехой кровавого и жестокого средневековья, но, это был бы не Фридрих, если бы и тут он не нашёл способ сделать это как можно более «прогрессивно» и «гуманно», так сказать...

<http://tl.rulate.ru/book/66483/1762055>